

Российская академия наук
Институт славяноведения

**Исследования по славянской
диалектологии**

24

Москва • 2023

УДК 811.16
ББК 81.41
И 88

Авторы:

*М. М. Алексеева, Н. Е. Ананьева, С. А. Борисов, И. А. Букринская,
Ж. Ж. Варбот, А. Д. Васюков, И. А. Горбушина, П. И. Долгополов,
С. В. Дьяченко, А. Ф. Журавлёв, О. Е. Кармакова, Н. И. Киреев,
С. В. Князев, М. М. Кондратенко, С. А. Мызников, С. Л. Николаев,
Г. П. Пилипенко, Биляна М. Савич, М. Н. Саенко, С. С. Скорвид,
М. Н. Толстая, Дияна М. Црняк, Т. В. Шалаева*

Редколлегия:

*д.ф.н. А. Ф. Журавлёв (отв. редактор серии),
к.ф.н. М. М. Алексеева, М. Н. Толстая (отв. редакторы выпуска),
к.ф.н. М. Н. Саенко*

Рецензенты:

к.ф.н. И. И. Исаев, к.ф.н. М. М. Валенцова

Исследования по славянской диалектологии. Вып. 24. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2023. – 292 с.

Коллективный труд «Исследования по славянской диалектологии» (вып. 24) содержит статьи на основе докладов, прочитанных на XXIII Круглом столе по славянской диалектологии в Институте славяноведения РАН 7–8 июня 2022 года, и публикации диалектных текстов, записанных в экспедициях разных лет.

Издание представляет интерес для широкого круга языковедов — специалистов по славянской диалектологии, лингвогеографии, лексикографии, истории языка, этимологии, социолингвистике.

The collective work contains articles based on reports presented at the XXIV Round table on Slavic dialectology at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences on June 7–8th, 2022 as well as publications of dialectal texts, recorded during field researches over the years. The book is addressed to a wide range of linguists—specialists in Slavic dialectology, linguistic geography, language history, etymology and sociolinguistics.

ISBN 978-5-7576-0493-0
ISSN 2618-8589

DOI: 10.31168/2618-8589 (серия)
DOI: 10.31168/2618-8589.2023.24 (выпуск)

© Институт славяноведения РАН, 2023

Содержание

<i>М. Н. Саенко.</i> Праславянские «редуцированные» и гласные <i>и</i> и <i>і</i> в словенском говоре Валбурги: некоторые параллели.....	5
<i>Ж. Ж. Варбот.</i> Об одном балто-славянском лексическом соответствии ..	40
<i>А. Ф. Журавлёв.</i> Восточнославянские этимологии (3. Укр. диал. <i>батюта</i> . 4. Русск. <i>барахло</i> . 5. Укр. диал. <i>рахо́м'је</i> , белорус. диал. <i>рахамо́цье</i>)	43
<i>П. И. Долгополов, Н. И. Киреев.</i> Праславянское * <i>goľь</i> в зеркале некоторых дериватов	51
<i>М. М. Кондратенко.</i> Заимствования в славянских народных обозначениях времени	76
<i>А. Д. Васюков.</i> Литературный стандарт и диалекты: реакции этнических кашубов на процесс языковой кодификации	88
<i>С. С. Скорвид.</i> О международном проекте по созданию интернет-карты чешских говоров за пределами ЧР.....	101
<i>Н. Е. Ананьева.</i> YouTube как дополнительный источник изучения периферийных и островных польских говоров	122
<i>Диана М. Црняк, Биляна М. Савич.</i> Из синтаксиса глаголов в речи жителей района Слатины близ Баня-Луки	132
<i>М. М. Алексева.</i> Детский лексикон в карпатоукраинских говорах	152
<i>Т. В. Шалаева.</i> О суффиксе существительных <i>-ой-</i> в русских диалектах ...	173
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова.</i> Среднерусские говоры: сравнительное описание центра и периферии	181
<i>С. А. Мызников.</i> Некоторые аспекты изучения русских говоров Приладожья и Обонежья	194
<i>С. В. Князев, С. В. Дьяченко.</i> Тональный контур общего вопроса в белозерских говорах	205

<i>И. А. Горбушина. Отражение межъязыковых контактов в диалектизмах (на примере рус. диал. бутор)</i>	<i>229</i>
<i>Г. П. Пилипенко, С. А. Борисов. Тексты на украинском и чешском языках из Воеводины (Сербия)</i>	<i>236</i>
<i>С. Л. Николаев, М. Н. Толстая. Диалектные тексты из закарпатского села Русская Мокрая. 2. Традиционная культура</i>	<i>246</i>

С. С. Скорвид
(Оломоуц)

О международном проекте по созданию интернет-карты чешских говоров за пределами ЧР

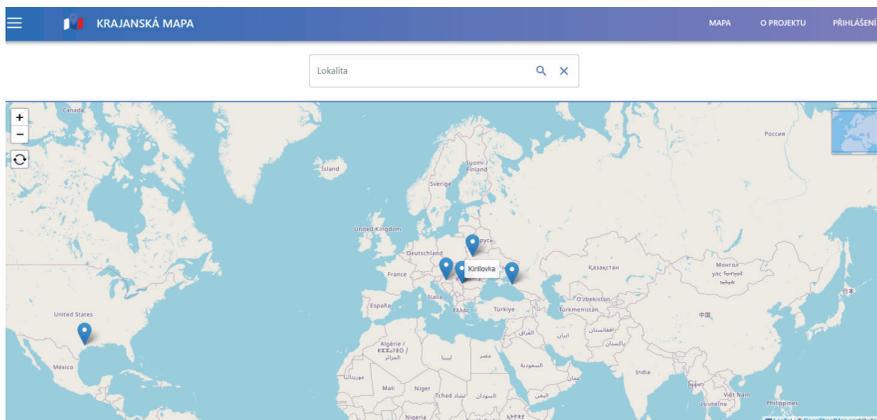
Статья знакомит с проектом исследователей из Карлова университета в Праге, Университета Палацкого в Оломоуце и Восточнокаролинского университета в Гринвилле (США) по созданию интернет-хранилища записей чешских говоров и/или исторических следов их присутствия за пределами Чешской Республики — в странах бывшего СССР (Россия, Украина, Молдова, Казахстан) и бывшей Югославии, в Румынии, в Польше и в некоторых других государствах Европы, а также Северной и Южной Америки (Парагвай) — и интернет-карты этих говоров с образцами звучащих текстов и диалектологической характеристикой данных идиомов. Для примера дается пробное описание наиболее изученного чешского переселенческого говора поселка Кирилловка в составе муниципального образования Новороссийск Краснодарского края РФ с анализом фрагмента записи речи одного из информантов 1931 года рождения продолжительностью звучания около 3 минут и сопутствующими материалами, связанными с историей и современной ситуацией этого чешского анклава на Черноморском побережье Северного Кавказа. Автор выражает надежду на то, что опыт работы над данным проектом может послужить стимулом для других аналогичных начинаний, которые документировали бы не только чешские, но и иные славянские диалектные сообщества, существующие в России (здесь прежде всего польские в Сибири) и в сопредельных странах. Неотложность решения этой задачи в наши дни становится все очевиднее, поскольку такие диалектные анклавы находятся на грани исчезновения, а некоторые из них на указанных территориях в течение последнего десятилетия уже практически исчезли.

Ключевые слова: чешские островные говоры, методика диалектологического описания, социолингвистическая ситуация переселенческих сообществ, исчезающие диалектные анклавы

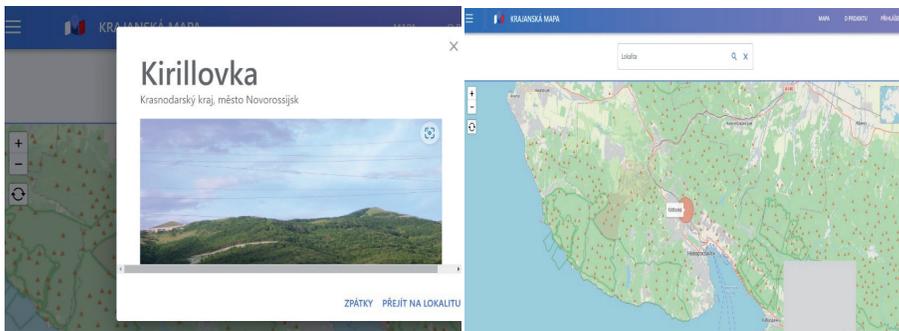
В 2021 г. по инициативе пятерых исследователей из Чехии и США стартовал проект по созданию интернет-хранилища записей чешских говоров, бытующих или бытовавших за пределами Чешской Республики, на территории России, Казахстана, Украины, Молдавии, Румынии, быв-

шей Югославии, Польши и других стран Европы, а также Северной и Южной Америки (Парагвай), и интернет-карты этих говоров с образцами текстов и краткой диалектологической характеристикой документируемых идиомов.

Хранилище, о котором идет речь, находится *in statu nascendi* и лишь постепенно дополняется. В перспективе здесь должны быть собраны все имеющиеся в нашем распоряжении аудиофайлы достаточно хорошего качества из разных мест, которые смогут использовать в том числе и будущие исследователи, но отбор записей и часто работа по улучшению их качества требуют времени. К настоящему моменту, однако, уже готов первый вариант интернет-карты чешских диалектов за границами ЧР, который создал в рамках дипломной работы студент Университета Масарика в Брно К. Давидек с опорой на возникшую ранее карту чешских диалектов, локализующихся на материнской территории (<https://korpus.cz/marka/>). Общий вид новой карты, на которую должны быть нанесены населенные пункты, находящиеся на трех материках, таков:

При подведении курсора к любой отмеченной точке всплывет название соответствующего населенного пункта, по которому следует щелкнуть, чтобы посмотреть его локализацию более крупным планом; фотографию местности (скриншот слева) можно убрать (скриншот справа) – или перейти от нее к информативной части с четырьмя рубриками. Начало одной из таких рубрик отображено на скриншоте ниже.

Detailní informace

Nahrávka

Pochybný leto počít

Nahrávka pochází z roku 2009, kdy se v Kirillovce slavilo 140. výročí založení vesnice.

[Zobrazit jazykové informace](#)

Historie

Do Černomořského okruhu carského Ruska se čeští osadníci stěhovali od druhé poloviny 60. let 19. století. Po skončení Kavkazské války (1864) bylo toto území vyhládně, proto sem ruská vláda začala přesídlovat rolníky z vnitřních gubernií, zvláště z Jekatěrinoslavské na východě Ukrajiny, a také zvat cizince křesťanského vyznání. První Češi se na černomořském pobřeží severního Kavkazu objevili v roce 1868; od roku 1869 pak vznikaly české osady Kirillovka a Mefodijevka u Novorossijsku (v mluvě zdejších Čechů Kirilka a Methodějka, druhá je dnes součástí města Novorossijsk – v místní české výslovnosti Novorosik), Varvarovka a Pavlovka u Anapy a řada smíšených vesnic ponejvíce česko-ruských, zejm. Borisovka, Glebovka (v mluvě místních Čechů Hlebovka/Chlebovka) a Vladimirovka u Novorossijsku, ve kterých již v současné době Češi nežijí; dochovaly se zde však na starých hřbitovech kamenné náhroby s nápisy v češtině. K dějinám českého osídlování severního Kavkazu viz Chotek (1910), Auerhan (1914/20: 52–65), Vaculik (2009: 102–104), Pukis (2010).

Разумеется, в ходе работы структура карты может несколько отклониться от представленной схемы. В данный момент хочется продемонстрировать содержание только одного приготовленного мною образца материалов, которые распределены по рубрикам «Введение», «Информация», «Мультимедийный контент», «Прочие сведения». В соответствии с этой рубрикацией строятся и другие материалы, разрабатываемые коллегами. Мой пробный материал касается говора и, шире, чешской общины поселка Кирилловка близ Новороссийска на Черноморском побережье Северного Кавказа в Краснодарском крае РФ, с обследования которого в 2009 г. и началось изучение чешских говоров России (последняя экспедиция в рамках этой программы для пополнения записей из д. Репинка Калачинского района Омской области состоялась летом 2022 г. уже без участия автора настоящей статьи).

Введение

КИРИЛЛОВКА

Краснодарский край, город Новороссийск

наименование на русском языке: Кирилловка, на чешском языке: Kirillovka

другие названия: в более давних чешских источниках иногда Kugilovka

административная единица, в состав которой входит населенный пункт: муниципальное образование Новороссийск Краснодарского края Российской Федерации

год/время возникновения общины: 1869

время исчезновения общины: существует поныне

численность общины / оценка количества активных носителей чешского языка: в 2023 г. всего 3 носителя, для которых чешский говор является родным

основная диалектная база: южночешская подгруппа юго-западночешской группы диалектов

приблизительное число поколений, сохранявших чешский язык: 5

главная причина переселения из чешских земель: экономическая

религия: первоначально римско-католическая

репатриация: единицы возвращались на старую родину начиная с 1920-х гг.; часть служивших в военном формировании Людвика Свободы после Второй мировой войны осталась в Чехословакии; попытка более массовой репатриации в советские годы была безуспешной; только в XXI в. отдельные сравнительно молодые представители ряда семей с чешскими корнями получили вид на жительство и переселились в ЧР

Детальная информация

История

На территорию Черноморского округа Российской империи чешские колонисты начали прибывать со второй половины 1860-х гг. После окончания Кавказской войны (1864) эти земли обезлюдели, поэтому царское правительство стало переселять сюда крестьян из внутренних губерний, особенно из Екатеринославской на востоке Украины, и приглашать иностранцев христианского вероисповедания. Первые чехи на Черномор-

ском побережье Северного Кавказа появились в 1868 г., а с 1869 друг за другом возникали чисто чешские поселения Кирилловка и Мефодиевка под Новороссийском (в речи здешних чехов Kirilka и Methodejka; вторая из них ныне вошла в черту города Новороссийск — в местном чешском произношении Novorosik), Варваровка и Павловка под Анапой, а также ряд смешанных сел, в основном чешско-русских, таких как Борисовка, Владимировка и Глебовка (в речи местных чехов Hlebovka/Chlebovka) в окрестностях Новороссийска, в которых в наши дни чехи уже не живут, но на старых кладбищах здесь сохранились каменные надгробья с чешскими надписями. Подробнее об истории чешской колонизации Северного Кавказа см. [Chotek 1910; Auerhan 1920: 52–65; Vaculík 2009: 102–104; Пукиш 2010].

Деревня

Кирилловка была основана в 1869 г.; согласно устному преданию, в ней тогда поселилось 7 первых семей, поначалу обитавших в так наз. землянках, т. е., вероятно, домах, частично заглубленных в землю и/или крытых дерном [см. Auerhan 1920: 44]. В 1872 г. здесь насчитывался 181 житель. К первопоселенцам, которые, по сообщению К. Хотека, были родом из Южной Чехии, из окрестностей городов Ческе-Будеёвице и Писек [Chotek 1910: 202], со временем присоединялись выходцы из других областей Чехии или, возможно, даже из Моравии, насколько позволяет судить ряд экстралингвистических данных; в языковом отношении они, однако, адаптировались к местному говору, который сформировался на южночешской или, шире, юго-западно-чешской диалектной базе.

Население Кирилловки вплоть до Великой Отечественной войны численно возрастало: в 1898 г. здесь было 256 жителей, а в 1910–1911 гг. уже 358, сплошь чехов. В советское время началось постепенное снижение доли чешского населения: так, в 1926 г. в Кирилловке насчитывалось 440 жителей, из них только 335 чехов. Для сравнения: по всероссийской переписи населения 2002 г. в Кирилловке было 1200 жителей, в их числе только 66 чехов (5,5%). Все эти статистические данные приведены в монографии [Пукиш 2010].

Школы и религия

В 1910 г. Хотек отмечал, что в Глебовке под Новороссийском и Анастасиевке близ Туапсе существуют чешские школы, находящиеся на

содержании российских властей, в других же селах региона — только четырехмесячные языковые курсы, где, согласно его сообщению, «дети научились писать и читать по-чешски настолько, что теперь могут читать вслух старшим». Вместе с тем он констатировал: «Домашнего обучения нет почти никакого» [Chotek 1910: 203]. Иную картину рисует четыре года спустя Ауэрган: «Сейчас школы есть почти во всех чешских поселениях [...], но во всех школах теперь обучение проходит только на русском языке, хотя, говорят, еще 20 лет назад там учили по-чешски, по крайней мере частично. Читать по-чешски дети учатся сейчас лишь в некоторых семьях, дома. Чешская библиотека, насколько мне известно, есть только в Кирилловке» [Auerhan 1920: 63]. Эти противоречивые свидетельства очевидцев начала XX в. не позволяют установить, когда именно в Кирилловке открылась начальная школа с чешским языком обучения. Здание школы, по местному преданию, было построено в начале 1910-х гг. на средства здешних чехов, как несколько позднее и здание костела. С уверенностью можно утверждать лишь то, что на регулярной основе изучение чешского языка в этой и некоторых других чешских школах, существовавших или открывавшихся в чешских поселениях на Черноморском побережье Северного Кавказа, началось только в 1920-е гг. в рамках официальной в то время советской политики «коренизации». В помощь землякам Чехословакия направляла в Советский Союз учителей и учебную литературу. Обучение местных детей чехов на родном языке, однако, было свернуто на рубеже 1920-х и 1930-х гг., когда в результате изменения внутривосточного курса в СССР сельские чешские школы были либо закрыты, либо переведены на русский язык. В здании некогда чешской, а затем русской четырехлетней школы в Кирилловке, упраздненной в 1960-е гг., в наши дни находится с одной стороны продуктовый магазин, а с другой — помещение культурно-просветительного чешского клуба «Матержидоушка», основанного в 2006 г.

Кирилловские чехи изначально придерживались римско-католического вероисповедания; в наши дни большинство жителей поселка составляют православные или неверующие. Из периодики начала XX в. и из рассказов старожилов известно о торжественной церемонии в праздник Божьего Тела в Кирилловке. После постройки костела в нем проводились именно праздничные богослужения, но своего священника в селе не было, он лишь от случая к случаю приезжал сюда из города. В советское время в здании костела открыли клуб, который размещается там и поныне.

СОВРЕМЕННОСТЬ

В настоящее время (2023) число естественных носителей кирилловского чешского говора сократилось до 3 человек в возрасте 84–97 лет. Тем не менее члены многих семей сохраняют сознание чешских корней; некоторые из них, младшего или среднего возраста, посещают курсы чешского языка в клубе «Матержидоушка», где с 2003 по 2022 год преподавали учителя из ЧР. Этот клуб не ограничивает свою деятельность исключительно Кирилловкой, вступить в него может любой имеющий чешские корни и/или интересующийся чешским языком и культурой житель данного региона. При клубе действуют фольклорный ансамбль «Китице» и любительская театральная труппа, раз в год ставящая спектакли на чешском языке, который, конечно, у всех членов клуба является уже заново выученным.

Аудиозапись

Pochybný letopočet — Сомнительная датировка

Запись сделана в 2009 г., когда в Кирилловке отмечали 140-летие ее основания.

[Отобразить лингвистическую информацию]

Транскрипция

(Děda povídal, že Franta byl, děda byl Franc, Franc Francevič.) *Jo. Ííi a manže.. a mámje se d'edouškovo Kateřina říkalo, jo. U tej ženskej mi sme bili, wona... Kabrdú je.. byla. Nu i powídám: vi ste přátele? Né. A vi ste vjed'eli, že tam, že mi sme Kabr.. já vím, že Kabrdu sou takoví... Nu, vi ste přátele? Né. (No, dobře.) Nu wot já nevím, hdo, co, jak. Já vím, že d'edouška sem přivezli... (Z Moravy, jste říkal, z Moravy?) Z Moravi, jó. Won ešče spíval písničku, počkejte... jak von to spíval... „Šavlenka broušená na obje dvje strani, ona mñe viseká z Uhr do Moravi“.. D'edouška vottet' vod'vezli — jemu byl rók. Cestu mñeli moz dlouhou, to neñi jako teť, že možno sem i za rok přiject. Dřív... přes potok mosti nebili. To nádo bylo... jeli... krávama táhli vús ten, kráva... hdo tág, hdo voslíčka mñel, hdo koňička mñel, hdo co. Jedou, jedou... nu, pješki dou. Pjekní místo si našli, zastavili se, vikopali si z 'iml'ánki... (zemljánky, da). Skopali zém, požili tam, ponasázeli si co chťeli i zas se sebrali i zaz do cesti. Aš tři roki... jeli s Čech, s Moravi sem. Tagže choť oñi povídají, že je... že sto štiricet let, jak Češi teť... víc. D'edoušek... vot počítejte samy... d'edoušek umřel*

f štiricátim roku v marťe mňesíci. Nevidržel t'o i umřel. Woňi... won f třiced devátím roku, vinohrát už mu uzrál, won ho mňel... nu, u sebe doma, a potom mu ho komuň'isti vzali. Nádo ho bylo už uklízet, hotovej, už vyzrál i woňi mu ho vzali. I von eto, s aŭhusta, s s'ent'abr'a mňesíce i do mářta požil i umřel.

Диалектологический комментарий к записи

Носитель кирилловского чешского говора (муж., 1931–2022) в диалоге с дочерью, которая говорит первой, при участии других лиц рассказывает историю переселения своей семьи и вообще чехов на Северный Кавказ, как он ее себе представляет. Как выяснила его дочь, бабушка (dědoušek), о котором идет речь, действительно был родом из чешско-моравского пограничья, а именно из деревни Ямы в р-не Ждяр-над-Сазавоу на Высочине, где он появился на свет в 1852 г., но его родители не были среди первых чехов, переселившихся на Северный Кавказ. Сохранилось его официальное прошение о приведении к присяге на подданство России от 1896 г., в котором указано, что он проживает в России уже около 20 лет и с 1890 г. водворен «в деревне Кирилловке». Возможно, что ранее он жил с семьей в соседней Глебовке, где были похоронены его родители Франц (согласно австрийскому паспорту) и Катержина. Первоначально они, видимо, говорили на юго-восточно-чешском диалекте, переходном к моравским, однако следующие поколения этой семьи, несомненно, усвоили чисто южночешский говор, бытовавший в Кирилловке, что подтверждает и эта запись.

В речи информанта встречаются черты, типичные для большей части собственно чешских диалектов, такие как дифтонгизация $y > ej$ (*hotovej* ‘готовый’), изменение $é > í$ (*pjekní místo* ‘хорошее место’), протеза $v-$ (*votteť* ‘оттуда’, *voslíčka* ‘ослика’, *von* наряду с *won* и *on* ‘он’) и формы твор. п. мн. ч. существительных, оканчивающиеся на *-ma* (*krávama* ‘коровами’). На юго-западно-чешскую диалектную подгруппу указывает застывшая форма притяжательного прилагательного *dědouškovо*, а на Южную Чехию — «семейно-притяжательная» форма с окончанием *-ůl/-u*, выражающая принадлежность к семье как одного или одной, так и нескольких «обладаемых» (*Kabrdůl/Kabřdu*), а возможно, также отсутствие протезы $v-$ в формах местоимения *on* и в числительном *obje* ‘обе’ (в песне), спирантизация начального согласного в местоимении *hdo* ‘кто’, которая, однако, довольно широко представлена в Чехии, и произношение *mámje* ‘маме’ наряду с *mňe* ‘меня’, *mňel* ‘имел’, *mňesíc* ‘месяц’. Последние

три особенности, первая из которых в кирилловском чешском встречается часто, а вторая регулярно (также в наречии *hde/hd'e* и др.), впрочем, может поддерживать аналогия с региональной разновидностью русского языка (ср. южнорус. *g > γ*, в частности, в *γd'e* 'где'). По всей вероятности, из некогда распространенного в этих краях смешанного русско-украинского идиома, известного под названием «кубанская балачка», в здешний чешский говор проникло губно-губное [w] или [ɰ], не характерное для южночешских диалектов: *wona* 'она', *powídám* 'говорю', *s ahuřusta* 'с августа'. Сочетание *u tej ženskej* 'у этой женщины' отражает выравнивание адъективной формы род. п. ед. ч. ж. р. по форме дат.-местн. п. ед. ч.; на территории Чехии подобная форма точно зафиксирована в центральных и юго-восточных, но не юго-западных диалектах [СЈА 4: 306–307], в кирилловском же идиоме ее распространению опять-таки могло способствовать влияние русского языка (*у той/этой...*). Яркой лексической или словообразовательной приметой говора является слово *d'edoušek*, преобладающее во всех северокавказских идиомах юго-западно-чешского происхождения. Архаичный лексический диалектизм, не только южночешский, представляет собой слово *přátele* во мн. ч. со значением 'родственники'. Наряду с этим в данном тексте и вообще в речи местных чехов частотны русизмы на уровне лексики, словообразования, семантики и синтаксиса: ср. в тексте частицы *vot/wot*, *nu* (в чешском языке метрополии — *no*); соединительный союз *i* и уступительный *choť*; местоимение *eto*; модальный предикатив *nádo*; из существительных, в частности, названия месяцев, а также лексемы *z'impl'ánka*, *zem* в значении 'пахотная земля', *vinohrát* в русском значении (наряду с исконно чешским 'виноградник'), глаголы с русскими префиксами *uklízet* 'убирать' (о винограде, в чешском языке метрополии — *sklízet*), *ponasázet* = рус. диал. *понасажать*; предложные конструкции и сочетания *s s'ent'abr'a mñesice i do márta*, как и окказиональное словоупотребление информанта *i zaz do cesti* = рус. *и снова в путь*. Через русизмы в говор проникает и ряд фонетических черт, характерных для его языкового окружения: кроме усвоенного из «балачки» губно-губного [w/ɰ], это мягкость некоторых согласных, в чешском языке метрополии давно отвердевших, гласный заднего ряда [y] типа рус. [ы], в том числе и в чешских словах, и неинициальное ударение (*komuň'isti*). Напротив, сдвиг ударения на слог вправо или на конец такта в таких случаях, как *vodv'ezli* 'увезли' и *nevidržel t'o* 'не выдержал этого', представляет собой явление, возникшее еще на чешской почве, которое, вероятно, связано с определенным типом фразовой интонацией.

Общая характеристика говора

Говор Кирилловки демонстрирует все отличительные признаки южно- или, шире, юго-западно-чешских диалектов в составе собственно чешской диалектной группы; если здесь ранее были представлены также идиолекты генетически иного типа, они не оставили по себе каких-либо надежно устанавливаемых следов.

Фонетика. В речи носителей регулярно встречаются такие явления, как изменение $y > ej$, но не $i > ej$ после свистящих согласных (*ciřit* ‘чувствовать’, с сокращением гласного *ciřka* ‘наволочка’), $ú > ou$ в начале слова (*ouzřik* ‘узелок’), $ě > í$, протеза $v-$ (*votkut* ‘наряду с *otkut*’, что можно трактовать как сохранившуюся — вероятно, не без поддержки русского языка — «доудлебскую» фонетическую особенность, см. [ČJA 5: 370–371, карта 258a]). Из других юго-западно-чешских черт следует указать на регулярную краткость корневого гласного в инфинитивах глаголов *donest* ‘принести’, *přivest* ‘привести’, *zavest* ‘завести’, *kvject* ‘цвести’ и, напротив, встретившийся лишь единожды рефлекс продления корневого гласного в императиве *nebuřte se* ‘не бойтесь’; спорадически отмечаемое произношение *do mřesta* ‘в город’, *v domře* ‘в доме’ (наряду с [mře]), изменение $e > a$ после шипящего, причем в русизме (*hodřne*) *přal* ‘много пчел’, редукцию гласного перед l (*bal* и *von bl* ‘он был’; *nařl, nařla* ‘начал, -а’) и в единичном случае протезу $h-$ в союзе *ħabi se kouknout* ‘чтобы глянуть’. Диссимилиация типа g *babřice* (и *babřice*) ‘(к) бабушке’, *přejřim* ‘перед тем’, *nechořte* ‘не ходите’ чаще встречалась в идиолекте уроженки Барваровки, которая вышла замуж за жителя Кирилловки (украинца). Из других ярких фонетических диалектизмов заслуживает внимания утрата протетического $j-$ (*it* наряду с *řit* ‘идти’, *ináč* ‘иначе’, *itřn’ice* ‘ливерная колбаса’), диссимилиация $sch > sk$ в глаголе *skovat* ‘спрятать’, изменение $d > r$: *dereř* ‘дед’, *svarebřni* ‘свадебный’ и *svarba* ‘свадьба’, упрощение группы *stř > ř* (*potřileli* ‘расстреляли’) и звуковой облик корня прилагательного и наречия *ħlibořej, ħlibořo* ‘глубокий, глубоко’.

Морфология. К общечешским диалектным чертам относятся унификация окончаний твор. п. мн. ч. имен и местоимений на *-ma* и преимущественно полные формы притяжательных прилагательных (*u Alřbřejřiniho tati* ‘у Альжбетиного отца’); при этом часто употребляются застывшие краткие формы типа *tařĩnkovo bratr* ‘отцов брат’, *tařĩnkovo sestřa* ‘отцова сестра’, *Johanovo tati s mřamou* ‘Йогановы папа с мамой’. Своеобразны «семейно-притяжательные» формы на *-u/-u* (*Ruřĩřkũ bilo tři, řtiri* ‘были

3–4 семьи Ружичка’; *naše rodiče říkali: já sem Růžičku* ‘наши родители говорили: я Ружичка’; *Růžičkú náš taki bil starej dům* ‘наш, семьи Ружичка, тоже был старый дом’); лишь один раз встретилась форма западночешского типа на *-ojc* (*já sem Dušánkojc* ‘я из Душанек’ — но также *Dušánku strejček* ‘дядя Душанек’, *Josi Dušánku táta* ‘Ёси Душанека папа’). В субстантивной парадигме заслуживает внимания, с одной стороны, аналогичное окончание форм род. п. мн. ч. *-íchl/-ich* у существительных мягкого типа (и слова *děti*): *hodně koňích* ‘много лошадей’, *a tech růžich tadi bilo!* ‘а роз сколько было!’, *dvoje dveřích* ‘две двери’, *do jaslích* ‘в ясли’, *mňe bilo líto d’ětích* ‘мне было жаль детей’, а с другой — утрата выражения одушевленности у существительных мужского рода и согласуемых с ними слов во мн. ч., наблюдающаяся во всех чешских говорах на территории России и Украины. Формы им. п. мн. ч. типа *Češi* (наряду с *Čechi*), *hoši* и *kluci* ‘парни’, *vojáci* ‘солдаты’, *školáci* ‘школьники’, *bratři* ‘братья’, *kamarádi* ‘друзья’, *sousedí* ‘соседи’ (наряду с *sousedi*), *vlci* ‘волки’ сохраняют лишь немногие существительные, у которых при этом та же основа с чередованием согласных выступает и в других падежах мн. ч., ср. в Кирилловке *Češú už je málo* ‘чехов уже мало’, *mezi Čěšima* ‘между чехами’, *toliká kluci* ‘столько парней’, *ke klucím* ‘к ребятам’. Поэтому также формы вин. п. мн. ч. здесь равны формам им. п., например: *školáci tam fšechni jez’dějí [...]* *aftobus sem přijíždí, zabírá školáci* ‘все школьники туда ездят... автобус приезжает сюда и забирает школьников’. На материнской территории это явление известно северо-восточным и отчасти центральным, но не юго-западно-чешским диалектам. В говорах же всех чешских анклавов в России и в Украине на него наслаивается почти регулярное противоположное выравнивание форм им. п. по формам вин. п. мн. ч., ср. в Кирилловке *vnuki tak taki už máloco rozumí* ‘внуки уже тоже мало что понимают’ и *mňeli sme malí vnuki* ‘у нас были (= мы имели) маленькие внуки’. В этом, по всей видимости, сказывается влияние восточнославянского языкового окружения, но не доведенное до конца, поскольку типично восточнославянский синкретизм форм вин. и род. п. мн. ч. у одушевленных существительных в описываемых чешских говорах отмечается лишь изредка, хотя в виде исключения может распространяться и на лексемы женского рода: ср. в Кирилловке *vihnal tech Tatarú* ‘выгнал этих татар’, *mám pravnuček* ‘имею правнучек’. Характерной для южно- или юго-западно-чешских диалектов, далее, является форма местн. п. ед. ч. местоимения 3-го лица *v ňom, na ňom* по образцу местоимений твердого типа и префикс неопределенных местоимений и наречий *ne-* с

твердым согласным: *nehdo* ‘кто-то’, *něco* ‘что-то’, *nehdá* ‘когда-то’ и *nák* < *nejak* ‘как-то’ [см. ČJA 5: 550, карта 396]. Типичны для говора юго-западно-чешские формы глагола долженствования *mušet* с шипящим -š- в основе, распространившимся из старой формы 1-го л. ед. ч. презенса на всю парадигму, и скорее только южночешские формы императива также с шипящими согласными *poprošte* ‘попросите’, *nenoste* ‘не носите’, *pušte* ‘пустите’, *potpušte* ‘простите’ или (в молитве «Отче наш») *otpušć nám naše vini* ‘отпусти нам наши грехи’, как и скорее западночешские формы *řekněte* ‘скажите’, *nejezdíte* ‘не ездите’, *nejděte* ‘не ходите’, *sedněte si* ‘садитесь’, какие встречаются и в генетически северо-восточно-чешских говорах на территории России и Украины, ввиду чего нельзя исключить влияния на них восточнославянских образцов. Презентные формы 3-го л. мн. ч. глаголов с тематическим -í- в остальной части презентной парадигмы в кирилловском говоре могут оканчиваться на -í/-i, но также и на -ejí/-eji, реже на -ej, ср. *mluví/mluvjeji* ‘говорят’, *nerozumnější* ‘не понимают’, но *vnuki už máloco rozumí i nemluví* ‘внуки уже мало что понимают и не говорят’, *mlčí/mlčejí* ‘молчат’, *křičí/křičejí* ‘кричат’, *platí/plaťej* ‘платят’, *chodí/chodějí* ‘ходят’, *jezdí/jezdějí* ‘ездят’, *přichází/přicházejí* ‘приходят’, *vozí/vozejí* ‘возят’, *stojejí* ‘стоят’ и *tadi stojí ti / s tíma flintama / jako nepoušćej* ‘тут стоят эти с ружьями и не пускают’, *viřelí* ‘выстрелят’, *visí* ‘висят’, *sedí* ‘сидят’, *mně bolí nohi* и *nohi mě bolí* ‘у меня ноги болят’, *voní na to vivalejí voči* ‘они на это глаза выкатят’. Интересная черта — основообразующий суффикс -iva- в инфинитивной основе глаголов типа *pracovat* ‘работать’, типичный для Западной Чехии, который, впрочем, встречается и в генетически северо-восточно-чешских говорах на территории России и Украины; также и здесь распространению -u- из презентной основы мог способствовать контакт с украинским языком или, на Черноморском побережье Северного Кавказа, с «балачкой» (ср. укр. *працювати*).

В лексике кирилловского чешского говора обращают на себя внимание типично южночешские или юго-западно-чешские слова *hůd'e* ‘девочка’, *vjetle* ‘ветка’, *škared'e* ‘плохо’, *drobet* ‘немного’, германизмы *loch* ‘подвал’, *bajzik* ‘собака’ от нем. *beißen* ‘кусать’ и др. Разумеется, весьма ощутимо также влияние на лексику данного идиома русского языка окружения. Можно сказать, что практически весь запас лексических единиц, известных местным чехам из региональных устных или более «высоких» форм существования русского языка, вместе с их сочетаемостью вплоть до построения фраз и нередко с сохранением их русского фонетического

облика и грамматического оформления, является неотъемлемой составной частью их говора. По словам одного из информантов, *uš tam je víc ruskího než českího v našem rozh'ovoru* 'там уже больше русского, чем чешского, в нашем разговоре'. Ср. частотность русизмов в высказывании его супруги: *Nu, mi uš taki točnjejc a nevíme, a jak naše rodiče viprávjeli trošku, neco si pomatujem... jak voňi sem přijeli a jak se tadi rospoložili, jak tadi visekávali lés a stavjeli si ti palátki* 'Ну, мы уже в точности не знаем, но из того, что наши родители немного рассказывали, немного помним... как они сюда приехали и как тут расположились, как вырубали лес и ставили себе палатки' и т. п.

Также в **синтаксисе** заметны следы влияния русского языка: это спорадическое опущение глагола-связки 'быть' в настоящем времени (*tam je ta kosa, tam hodně ribi* 'там коса, там много рыбы'; *potom byl strejček Jouza, to můj kmotříček* 'потом был дядя Йоуза, это мой крестный'), вытеснение чешской посессивной конструкции с глаголом 'иметь' русской конструкцией с предлогом *u* и формой род. п. существительного со значением «обладателя» при глаголе 'быть' (*mňeli šest... d'eři u tařínka bilo* 'имели шесть... детей у папы было') и вообще употребление падежей в соответствии с русским управлением, отличающимся от современного и более раннего чешского, особенно в случае предложных конструкций (*žeňit se na* + местн. п., */pro/vdaná za* + твор. п. 'замужем за кем-либо'. Беспредложный твор. п. последовательно употребляется при глаголах со значением той или иной деятельности и движения (*kim tam d'elal, či pisařem bil?* 'кем он там работал, писарем что ли был?'; *d'etma je přivezli sem* 'детьми их привезли сюда'). В сочетаниях с формами сравнительной степени прилагательных и наречий вместо чешского предлога *o* закрепился по русскому образцу предлог *na* с вин. п. (*na rok starší* 'на год старше' и т. п.). В функции соединительного союза с давних пор выступает исключительно *i* (ср. надпись на старом надгробии *FRANC i KATEŘINA KABRDA zem. 1887*), последовательно употребляется уступительный союз *choť*, тогда как союз *či* в разделительной функции (*dvje či tři s'emj* '2 или 3 семьи') может быть исконным, но там, где он вводит косвенный вопрос, не вызывает сомнений, что речь идет о заимствовании из украинского языка или, точнее, из «балачки» (*Či nechťeji nebo... já nevím* 'Не хотят они или... я не знаю').

Мультимедийный контент

Фото

Часть фотографий взята из архива новороссийского Культурно-просветительного чешского клуба «Матержидоушка»; остальные были сделаны С. С. Скорвидом, Д. К. Поляковым и И. В. Третьяковой в 2009–2013 гг.

Общий вид Кирилловки

Здание бывшего костела в Кирилловке в середине XX и в начале XXI в.; справа внизу — здание бывшей кирилловской школы, построенное около 1910 г.

Старое чешское надгробие на кладбище в Кирилловке, справа — увеличенная надпись на нем

Кирилловский фольклорный ансамбль «Китице»
в городском парке Новороссийска

Чешский праздник «Микулаш» в клубе «Матержидоушка» (2006 г.)

Видео

<https://www.youtube.com/watch?v=GBm1-J2Mzys> (30-минутное видео 2010 г.: Урок в чешской школе в Кирилловке 100 лет спустя)

Иное

Другие фотографии и ссылки на публикации, радио- и телевизионные передачи о Кирилловке и иные материалы см. на сайте Новороссийской городской общественной организации «Культурно-просветительный чешский клуб Матержидоушка — Душа матери» <https://materidouska.ru/index.php/ru/>

Прочие сведения

Проекты

Кирилловский чешский говор был впервые охарактеризован в публикациях С. С. Скорвида, две из которых были подготовлены в соавторстве с другими коллегами. Материалом для них послужили аудиозаписи образцов этого говора, сделанные в ходе экспедиций, которые проводились в те-

чение 2009–2013 гг. иногда даже дважды в год, менее регулярно и позднее, вплоть до 2019 г. Исследованием было охвачено 18 информантов, родившихся в период с 1919 до 1946 в Кирилловке и более или менее свободно говоривших на местном чешском идиоме; в одном случае это была уроженка соседней Борисовки, переселившаяся в Кирилловку, в другом — муж представительницы старого кирилловского рода Лузумов, родившийся в Мефодиевке, где оба супруга проживают по сей день. Большинство наших информантов за прошедшие 13 лет покинуло этот мир.

В процессе исследования было установлено, что кирилловский говор демонстрирует, с одной стороны, относительно высокую степень сохранности исходной южночешской диалектной системы, а с другой — признаки далеко идущего влияния на него языковых формаций, доминировавших в новом окружении его носителей.

Кирилловку можно считать узловой точкой целой сети чешских селений на Черноморском побережье Северного Кавказа, основанных преимущественно выходцами из Южной либо Западной Чехии. Говор этого населенного пункта также лучше других документирован аудиозаписями общим объемом более 30 часов, поэтому он может служить образцом северокавказских говоров юго-западно-чешского происхождения вообще. Принадлежащие к этому же типу говоры еще двух чешскоязычных островков в данном регионе, которые сохранялись до начала XXI в., сёл Варваровка под Анапой и Тешебс в окрестностях Геленджика, отличаются от кирилловского в целом незначительно и зафиксированы далеко не столь полно.

Интересное

В Цемесской долине под Новороссийском, где находится Кирилловка, заложил опытные виноградники назначенный в 1867 г. агрономом Черноморского округа Бедржих, или — в России — Федор Иванович Гейдук (1837–1890). Со времени появления публикации Я. Ауэргана считается, что этот «замечательный специалист, уважаемый российскими властями за его знания и опыт», научил чехов на Северном Кавказе виноделию и вообще покровительствовал им (Auerhan 1920: 53), хотя это не подкрепляется достаточно надежными документами. В 1884 г. его навел брат, известный чешский поэт Адольф Гейдук, создавший после этой поездки поэтический цикл «Из путешествия на Кавказ» (*Z pouti na Kavkaz* 1885), во многих стихотворениях которого автор как будто напрямую обращается к соотечественникам в Кирилловке:

Ó noci podzimní s tím snivým očí jasem,
dum plná vystupuješ nad hor rysy,
jak kněžna opásána zlatým pasem,
a měsíc po bok kynžálem ti visí,
Ó noci jeseně, svá hvězdná rozlož křídla
na bratrů z dálky příšlých drobná sídla
a zlíbej jejich dřímající hlavy,
a snít jim dej o nivách u Vltavy,
a jestliže je při tom v srdci bodne,
dej sen jim o návratu v luhy rodné,
jak zpět se nesou ku svých otců prahu
přes hlavy křivditelů svých a vrahů
v řiš čarovnou, jež v zemském sáhá svoru,
od skrání Elborusa ku Javoru

О ночь осенняя! В мечтательном сиянье
ты высишься над горным перевалом –
княгиня в златотканом одеянье;
у бёдер серп луны повис кинжалом...
Простри, ночь осени, свои крыла ты
на братьев, пришлых издалёка, хаты,
коснись устами их усталых глав — и
о нивах грезить дай в долине Влтавы,
а если в сердце ощутят шемленье,
навей им сладкий сон о возвращенье,
чтобы назло всем недругам и катам
неслись мечтой к отеческим пенатам,
в страну чудес, в чьей дорогой оправе –
седой Эльбрус и Явор на Шумаве...

Остается добавить, что в последние годы становится все очевиднее неотложность обсуждаемого проекта. Так, спустя более десяти лет со времени первого доклада о говоре чехов Кирилловки, произнесенного мной совместно с Д. К. Поляковым на «Круглом столе по славянской диалектологии» в 2010 г., приходится констатировать, что этот вполне живой тогда идиом перешел в разряд практически исчезнувших; о некоторых же других чешских идиомах на Северном Кавказе или, например, в Казахстане на интернет-карте могут быть представлены уже только косвенные свидетельства. Тем более важно успеть собрать и сделать достоянием широкой общественности хотя бы такие данные.

Полагаю, что опыт охарактеризованного мной проекта может послужить стимулом для других аналогичных начинаний, которые документировали бы не только чешские, но также иные славянские диалектные сообщества, существующие в России и сопредельных странах.

Литература

- Пукиш 2010 — *Пукиш В. С.* Чехи Северного Кавказа: годы и судьбы. 1868–2010. Ростов-на-Дону, 2010.
Скорвид, Третьякова 2009 — *Скорвид С. С., Третьякова И. В.* «Тут жил Кирилл, а там — Мефодий...», или Чехи под Новороссийском // *Язык. Сознание. Комму-*

- никация. Вып. 38 / ред. колл. В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. М.: «МАКС Пресс», 2009. С. 40–54.
- Скорвид 2013 — *Скорвид С. С.* Говор потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе как пример лингвоарейного дрейфа // *Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013 г. Доклады российской делегации* / отв. ред. А. М. Молдован, С. М. Толстая. М.: «Индрик», 2013. С. 554–568.
- Скорвид 2015 — *Скорвид С. С.* Чешские переселенческие говоры на Северном Кавказе и в Западной Сибири // *Славяноведение*. 2014. № 1. С. 44–58.
- Скорвид, Поляков 2013 — *Скорвид С. С., Поляков Д. К.* О проницаемости грамматической системы в ситуации межъязыковой интерференции в говоре потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе // *Исследования по славянской диалектологии*. Вып. 16 / отв. ред. Л. Э. Калнынь. М., 2013. С. 305–337.
- Auerhan 1920 — *Auerhan J.* České osady na Volyni, na Krymu a na Kavkaze. Praha, 1920.
- ČJA 4 — *Český jazykový atlas 4* / red. J. Balhar. Praha: Academia, 2002.
- ČJA 5 — *Český jazykový atlas 5* / red. J. Balhar. Praha: Academia, 2005.
- Chotek 1910 — *Chotek K.* Čechové na Kavkaze // *Národopisný Věstník Československý* V. 1910. S. 201–205.
- Skorvid 2016 — *Skorvid S.* Czech immigrant dialects in the Northern Caucasus and Western Siberia // *International Journal of the Sociology of Language* 238. 2016. S. 127–143.
- Skorvid 2017 — *Skorvid S.* A nejkyn ešče neco vo češškom jazyku na Kaukážoj i ponad Irtyšem // *Struktura v jazyce, jazyk v komunikaci* / red. O. Uličný. Liberec: Technická univerzita v Liberci, 2017. S. 161–172.
- Skorvid 2019 — *Skorvid S.* „I voni se tadle zrouna čtyri člověka vostalo...“ aneb Češi na samotě u Majkopu (a jinde) // *Český jazyk a literatura* 69(5), 2018–2019. S. 224–232.
- Skorvid 2021 — *Skorvid S.* „Furt to jde, pořat, nekončívá se to...“ O vývojových inovacích v českých nářečních varietách v Rusku // *Naše řeč* 5, 2021. S. 311–321.
- Vaculík 2009 — *Vaculík J.* Češi v cizině. 1850–1938. Brno, 2009.

Summary

Sergey Skorvid
(Olomouc)

On the international project of creating the internet map of Czech dialects beyond the Czech Republic

The paper introduces the project of researchers from the Charles University in Prague, the Palacký University in Olomouc and the East Carolina University in Greenville focusing on the creation of the internet depository of audio recordings of the Czech dialects and/or historical traces of their existence beyond the Czech Republic, i.e. in the territory of the former USSR (Russia, Ukraine, Moldova, Kazakhstan) and former Yugoslavia, in Romania, Poland and some other states of Europe as well as North and South America (Paraguay), and the internet map of those dialects with the

dialectologically commented specimens of them. As an example, the paper presents a pilot description of the most examined Czech immigrants' dialect spoken in the village of Kirillovka belonging to the Novorossiysk municipality (Krasnodar Krai, Russian Federation) with the analysis of approximately 3 minutes long fragment of recording of its native speaker born in 1931 and attendant materials connected with history and the present-day situation of this Czech community in the Black Sea Coast of the Northern Caucasus. The author hopes that the experience gained through working on this project may stimulate similar initiatives in documenting not only Czech, but also other Slavic dialectal islands in Russia (here, first of all, Polish ones in Siberia) and in adjoining countries. The urgency of this task is becoming more and more evident, because such dialects are nowadays disappearing; moreover, some of them, spoken in the territories listed above, practically disappeared during the last decades.

Keywords: Czech insular dialects, methods of dialectological description, sociolinguistic situation of immigrants' communities, disappearing dialect enclaves